

Добираться на перекладных, сидеть на маленьких узловых станциях. Ожидание и скука. Станция Сайга еще не худшее место. Дождаться утра — и на электричку. Два часа — и в своем городе!

А ждать еще часов пять. Куришь, куришь — до тошноты. Народу — порядочно, все сидячие места заняты.

Мое внимание привлек громкий возглас: «Я не простячка (проститутка), я по симпатии! Откинулась (освободилась) вчера... Сам пошел!...» Все это произносила женщина, стоящая неподалеку, обращаясь, видимо, к сидевшему мужчине. Скорее всего, за 30, одежда — так себе, лица не видел, но тело со спины смотрится.

Отошла она от возмущенного мужика — и к выходу. Встал и я. Не за ней, а — покурить. Из вещей — сумку взял с собой. Темно. Закурил тут я, и увидел давешнюю женщину. Стояла она в метрах трех от меня. Смотрела в мою сторону, а я — в ее. Несколько минут все это продолжалось, потом она двинулась ко мне.

— Ну что, так и будем в переглядки играть? Закурить есть?

— Есть. Дать?

— Конечно, дать.

— На, возьми. — Я достал сигарету и протянул. Щелкнул зажигалкой и дал прикурить.

— С «нипелем» куришь? Богато живешь.

— Ты, видимо, долго чалилась. Курение сигарет с фильтром — сейчас не признак благосостояния.

— Ни хера, загибаешь! А как ты понял, что я сидела?

— Слышал твой выкрик.

— Козел он! Я ему по-человечески, а он... козел!... Меня Зоя звать.

— Фрол.

— Редкое имя.

— Редкое.

— А тебе куда?

— Мне — туда!... — И я показал рукой направление, щелбаном выкинув сигарету. Повернулся и хотел уйти. Но меня остановили рука и голос.

— Пстой, Фрол. Может, выпьем?

Я покачал головой и ответил:

— Не хочу.

— Ладно, пить не хочешь, и не надо. Я вот буквально днем выпила. Я мужика хочу.

Понимаешь? Если не хочешь е... ть, то защеку дай. Я баба чистая — я же только что оттуда!

— Ну, и что ты предлагаешь — прямо тут все это... ?

— Да мы, что, места не найдем, где перепихнуться?

Нашли. Совсем недалеко от вокзала — ремонтируемое здание. Более того — в самом здании нашли комнатку-склад. Груды столов и стульев. Комната эта была заперта. Но обычный навесной замок и согнутым гвоздем открыть можно. В зарешеченное окно светила луна. Один из столов с облупленной полировкой стоял у окна. В сумке у меня была бутылка «пепси». Расстегнув ширинку, достал член, обмыл головку «пепси». Штаны и трусы я спустил до

колен, голым задом уселся на стол.

Зоя расстегнула кофточку и блузку, лифчика на ней не было. Грудь обвисли, но сохранили форму и упругость. Она дотронулась рукой до кошонки и ухватила окрепший ствол.

— Знаешь, как я там мечтала о живом х... е!?... Ночами снился!... А у тебя — хороший: крупный и крепкий!

В ответ, я своей рукой огладил ее грудь: она заполнила мою ладонь. Хорошая грудь для женщины ее возраста. Вот она наклонилась, и ее губы обхватили член. Наверное до отсидки у нее был большой навык. Не смотря на долгое отсутствие практики, у нее очень хорошо получалось!

Ведь это только кажется, что дело не хитрое — бери и соси. Но тут необходимо умение и желание. А Зоя умела, желала и от действий своих получала огромное удовольствие!

Она то заглывала глубоко, то играла языком, то сосала нежно и трепетно, а то — сильно и страстно, чувственно. То действительно кладет его за щеку. А то губами — да к кошонке... или жадно обхватит ее ртом.

Она не стонала, но издавала горлом довольное урчание. А я... я мям рукой ее грудь, другой рукой ворошил волосы на ее затылке, и от каждого движения ее языка — стонал.

Наконец я дошел до точки: подался навстречу ее новой глубокой атаке, особенно громко застонал и... пошло толчками в ее жадный рот! Она всосала все до капельки. А когда оторвалась, то в лунном свете на ее лице было видно сытое удовольствие. Она облизнула губы. Я не удержался и потянулся к ним.

— Да ты что?! Я же сосу, а таких в губы не целуют!

— У тебя, Зоя, дикие и устаревшие понятия, — учительским, назидательным тоном ответил я. Дотянулся до нее, облапил грудь и впился в губы. Долгий поцелуй!

— Слушай, Фролушка, давай мы догола разденемся? Я хоть прижмусь к тебе, теплому!

И мы разделись, оставив лишь обувь. Мы стояли друг против друга. О ее груди я уже говорил. Но у нее так же были полные и стройные ноги. У нее не было живота. И зад не вислый: пухлая и округлая попа. Мы обнимались, прижимались. Мы с упоением целовались, мои руки гладили ее ягодицы, а ее — мои.

— Ложись, шепнул я ей.

— Зачем? У тебя же не встал.

— Ложись, не спорь!

Она вскарабкалась на стол и легла в классически призывной позе. А я — к сумке: пора попробовать... Гляди-ка, встал — не понадобилось. С торчащим членом я двинулся к ней. Взгляд ее словно ласкал меня. Я вполз, она направила — и я вошел. Ойкнула радостно и подалась навстречу. Я впился губами в ее губы и заработал. Мы быстро уловили нужный нам ритм. Стонала Зоя, нервно дышал я, скрипел и шатался стол. Зоя шепнула:

— Скажешь, когда кончать будешь готов — я в рот хочу!

Я сдерживался, замирал — и вновь работал. Но, тяни — не тяни, а наступит...

— Сейчас, Зоя!!...

Я приподнялся на руках, а она скользнула вниз. И вот ее губы ухватили член и... потекло!... Между прочим, прежде чем я кончил, у Зои это получилось не раз.

И вот, не дав ей слово молвить, я, достав из сумки средство, сделал все по инструкции. Сделал себе укол в основание члена. Он встал. Мне даже показалось, что увеличился.

— Вот здорово! Иди сюда! — Она призывно вновь раздвинула ноги.

— Нет, Зоинька, я хочу тебя в попу!

— У тебя большой, а я давно... А есть вазелин или еще чего такое?

— Есть, все есть.

Зоя грудью навалилась на стол, загнувшись, раздвинув руками ягодицы в покорном и боязливом ожидании. Я — с торчащим и навазелиненным членом. Луна — за окном. Все на миг замерло... Я двинулся — и весь мир ожил. Я вставил и чуть нажал. Зоя сдержала готовый вырваться, болезненный стон. И я сдержал порыв вонзить страстно и азартно. Медленно и неотвратимо мой инструмент проникал в тесное анальное отверстие. Клекотало в Зоинем горле, а я входил глубже и глубже.

— Ой! О-о-ойёй!

Вошел. Одну руку я положил на ее лоно, запустив в него пальцы. Другую руку — на грудь. Навалился и прижался к горячей спине, губы приникли к шее у самого затылка... и я задвигался.

С наслаждением я всаживал, урча от страсти. Стонала Зоя — но все менее болезненно, а более страстно. Вот и она задвигала тазом, насаживаясь. Я стал резче, глубже, чаще всаживать. Я трахал ее попу членом и трахал пальцем влагалище. Это было что-то!...

Время шло, и оргазм накатывал... на нее. Я сдерживался. Она уже стонала с хрипом, и зад ее большую часть работы делал сам. Стенки ануса сокращались. Зоя забилась, как рыбка на крючке. А я все так же — всаживал, всаживал...

Потом мы голышом гуляли по пустому зданию. Я — с торчащим членом. Иногда мы сближались. Вот я ее трахаю стоя, в традиционное место. Вот я имею ее в попу. Вот она присела и сосет самозабвенно.

Но всему приходит конец. И «он» у меня опал, прямо у Зои во рту. Истертый, покрасневший, болезненный, перетруженный. И тут же Зоины слова, с женской тоской:

— Мне бы — тебя!... Хоть голодной и босой — ничего больше в жизни не надо!

Это ли не бальзам на мужскую гордость?

Мы провели с ней время. Ни ее, ни меня не интересовали ни моральные, ни другие качества друг друга. Только тело. Животная страсть? Ну, так и что?...

Эх, Зоя, Зоя... Где ты, с кем, как у тебя пошла жизнь?..